

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ЮГА РОССИИ

СОЛДАТСКИЕ И ДРАГУНСКИЕ ПОЛКИ НА ЮГЕ РОССИИ
В КОНЦЕ 30-х – НАЧАЛЕ 40-х гг. XVII в.

Пенской Виталий Викторович

Белгородский государственный университет

Данная статья посвящена одному из аспектов создания Белгородской черты как системы организации обороны южной границы от набегов крымских татар. В ходе строительства черты возникла необходимость усиления воинских контингентов, что ежегодно направлялись на южную границу для предотвращения вторжения татар. С этой целью правительство Михаила Федоровича решило мобилизовать ветеранов Смоленской войны 1632-1634 гг., сформировав заново солдатские и драгунские полки, обученные и вооруженные при помощи иностранных инструкторов по последним западноевропейским образцам. Это и было сделано в 1637-1641 гг.

Ключевые слова: солдатские и драгунские полки, Смоленская война 1632-1634 гг., иностранцы на русской службе, Белгородская черта.

This article is devoted to one of aspects of creation of the Belgorod fortification line as systems of the organization of defense of southern border from attacks of the Crimean Tatars. During construction of this line there was a necessity of strengthening of military contingents which annually went on southern border for prevention of intrusion of Tatars. With this purpose Michael Fedorovich's government has decided to mobilize veterans of Smolensk war 1632-1634 and to restore the soldier's and dragoon regiments trained and armed by foreign instructors on last West-European samples. It also has been made per 1637-1641 years.

Key words: soldier and dragoon regiments, Smolensk war of 1632-1634, foreigners in Russian service, Belgorod line.

Проблема защиты южных рубежей Российского государства с начала XVI в. являлась одной из наиболее важных, занимавших внимание московского правительства. На протяжении двух столетий Москва испробовала самые различные методы и способы борьбы с татарской угрозой, от посылки богатых даров-«поминок» в Крым до строительства мощных оборонительных рубежей на границе и высылки в степь сторожей, которые должны были заранее предупреждать о татарском набеге. К концу XVI в. система обороны в целом был отработана. В нее входила цепь мощных крепостей к югу от столицы, служивших опорными пунктами для войск (примером тому может служить Тула и ее кремль), укрепления проходившей южнее Оки Засечной черты и выдвинутые далеко в степь сторожи.

Эта система работала в принципе удовлетворительно, но при условии, что она будет занята достаточно многочисленными войсками. В противном случае, как это было неоднократно в годы Смуты, татары легко прорывали ее и углублялись в русские земли к северу от Черты.¹

Естественно, что такое положение не могло быть терпимо, и новое национальное правительство, утвердившееся в Москве после изгнания оттуда поляков, уже в 1613 г. возобновляет практику организации ежегодной полковой службы на границе. По мере стабилизации внешне- и внутриполитического положения в стране прочность обороны на Засечной черте постепенно усиливалась, сама она приводилась в порядок, и это не замедлило привести к положительным результатам. Опустошительные набеги татар прекратились. В течение 10 лет на границе было относительно спокойно. Однако с началом Смоленской войны и концентрацией основных военных сил Российского государства на юго-западном и западном направлениях южные рубежи оказались оголены. Если в 1629 г. на границе несло службу 11826 ратников, то в 1632 – только 4827², чего оказалось явно недостаточно для организации ее прочной обороны. Татары прорвали черту и опустошили южные русские уезды и волости. Отдельные их отряды рыскали даже на юге Московского уезда, чего не было со времен Смуты. Московское правительство пришло к выводу о том, что оборона южной границы нуждается в серьезном усовершенствовании, и не в последнюю очередь в увеличении ее глубины за счет выдвигания рубежей развертывания полков как можно дальше на юг. Уже в 1635 г. началось строительство нового оборонительного рубежа, который впоследствии получит название Белгородской черты. Новые фортификационные сооружения должны были обеспечить прикрытие русских поселений южнее Оки и одновременно дать возможность полкам дворянской конницы встретить татарские отряды до того, как они приблизятся к сердцу Русского государства.

Естественно, что известия о разворачивающихся крупномасштабных фортификационных работах на традиционных путях татарских набегов вызвали серьезную обеспокоенность и тревогу в Крыму. Уже в 1636 г. крымские татары попытались прощупать оборону на южных рубежах России. Новая попытка была осуществлена осенью следующего года. В феврале 1638 г. крымский хан Бегадыр-Гирей в категорической форме потребовал разрушения построенных новых городов на южной границе, угрожая в противном случае войной. К тому же донские казаки в 1637 г. совершили внезапный набег на Азов, турецкую крепость, запиравшую устье Дона, и овладели ею «...для зипунов своих казацких...».³

Отношение между Москвой, Бахчисараем и Стамбулом и без того были достаточно напряженными из-за непрекращавшихся вылазок донских казаков, которые непрерывно «шарпали» турецкие владения в поисках «зипунов». Азовская же авантюра казаков и строительство новой черты сделали угрозу новой большой войны с Крымом и стоявшей за его спиной Турцией более чем вероятной. Готовясь к очередной летне-осенней кампании⁴, в Москве решили не ограничиваться только лишь одним тра-

диционным созывом дворянского ополчения, посылкой на юг стрельцов и других ратных людей. Там вспомнили об относительно успешном опыте использования в годы Смоленской войны обученных и вооруженных по-европейски солдатских, драгунских и рейтарских полков и решили восстановить их. Эти полки должны были усилить выдвигаемые на южную границу полки дворянской конницы и обеспечить гарнизонами большие и малые порубежные укрепления.

Сказано – сделано. Уже в марте 1637 г. некоторое количество старых смоленских солдат было призвано на службу и отправлено на «осадное сидение» в Тулу вместе со стрельцами и казаками.⁵ Но это был только первый шаг, за которым не замедлили последовать новые. Обстановка была напряженной, времени на раскачку не было, и потому в Москве не медлили с исполнением задуманного плана, проявив необычную для чинного, неторопливого течения жизни московских приказов расторопность и поспешность. Первым делом был начат поиск и призыв на службу смоленских ветеранов – солдат, драгун и рейтар. В декабре 1637 г. на Казань боярину князю Б.М. Лыкову и дьякам Ф. Панову и С. Матвееву был послан царский указ о том, что «...которые дети боярские и новокрещены татарова и чуваша и черемиса и волные всяких чинов люди ис Казани и ис казанских пригородов також и ис понизовых и ис мещерских в прошлых годех на Смоленску и в Мажайску были в салдатской и в райтарской и в драгунской службе, и тем всем людем по прежнему по крымским вестем указом Государевым к весне в тех службах по прежнему...».⁶

Сбор ратных людей осуществлялся не только в Казани и понизовых городах. Так, в мае 1638 г. боярин И.Б. Черкасский сообщал Михаилу Федоровичу, что к нему в Тулу явились малопоместные, а то и вовсе беспоместные дети боярские, ранее служившие в солдатах во время Смоленской войны. Прослышав о том, что правительство собирает таких, как они, под знамена, ветераны били челом, желая поступить на государеву службу. Боярин, не получивший указа с разрешением принимать таких добровольцев, спрашивал – как поступать ему с ними. Ответ из Москвы пришел незамедлительно. Если боярская грамота ушла в столицу 3 мая, то ответ был готов уже 6 мая. В ответной грамоте князю говорилось, что «...по нашему указу для нынешней службы велено учинить солдатского строю 4000, драгунского строю 4000; и в то число прибрано на Москве мая по 8-е число драгунов 4000, а салдаты не прибраны. А на Москве старым салдатам и драгунам и которые вновь приберутся из детей боярских, и тем всем велено давать поденного корма по 7 денег, а которые приберутся вновь изо всяких чинов, и тем велено давать поденного корму по 6 денег...».⁷

Однако даже такие соблазнительные условия не слишком способствовали записи добровольцев в солдатскую службу. Все-таки конная служба служилыми людьми издавна считалась более почетной, нежели пешая, поэтому они стремились записываться прежде всего в драгуны, а не в солдаты. Обеспокоенное возможным срывом планов набора солдат, прави-

тельство решило несколько изменить тактику, прибегнув к принудительной записи детей боярских в солдатскую службу. Поэтому князю Черкасскому предписывалось «..на Туле в салдатскую службу писать старых салдат и вновь из детей боярских, которые верстаны и которые не верстаны, а поместных и вотчинных дач за ними нет, и изо всяких вольных людей, которые в солдатскую службу пригодятся, и учинили б есте для нашей службы салдатского строю 4000 человек...».⁸ Вдогонку за этой грамотой 9 мая был направлен указ, в котором еще раз говорилось о необходимости набрать в солдатскую службу 4000 детей боярских, старых солдат и вольных людей с выдачей им кормовых денег из расчета 7 денег на день ветеранам и детям боярским и 6 денег прочим добровольцам. В указе также сообщалось, что для вооружения набранных ратных людей в Тулу будут отправлены 4000 мушкетов с подшошками и банделерами.⁹

Очевидно, что и такие меры не дали необходимого результата, и правительству пришлось прибегнуть к набору даточных людей. Только тогда намеченные планы удалось не только выполнить, но и перевыполнить. К лету на южных рубежах было собрано, вооружено и обучено внушительное количество ратных людей, определенных в драгунскую и солдатскую службу. Во всяком случае, приказные документы показывают, что к осени 1638 г. в Туле с воеводой князем Степаном Гагиным несли гарнизонную службу 333 старых солдата и 1132 «даточных людей, которые сбираны с земель». Кроме того, под началом полковника Александра Краферта, одного из ветеранов Смоленской кампании, находились 2095 начальных людей и драгун его собственного полка, 3605 начальных людей и солдат его же полка, 450 присланных из других городов «кормовых» солдат и 200 прибранных в самой Туле солдат. Еще 2 майора с 1037 начальных людей и солдат находились в Одоеве под началом воеводы стольника Федора Бутурлина, 2 капитана и 522 начальных человека, драгуна и солдата в Крапивне, 2226 начальных людей, драгун и солдат в Переяславле-Рязанском и в Веневе 303 драгуна и 1872 солдата вместе с полковником Валентином Росформом (тоже ветеран Смоленской войны) и начальными людьми.¹⁰

Очевидно, что и этот список неполон, поскольку иные цифры показывает «Роспись, что ис Приказа Большого Приходу послано на Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича всея Руси службу в города к бояром и воеводам и полкам...».¹¹ Согласно этому документу, в 1638 г. удалось собрать более внушительное количество ратных людей. В Тулу к князю И.Б. Шереметеву было направлено для несения солдатской службы 1132 даточных людей и из городов солдат 450 человек, а также полковник Александр Краферт с двумя полками, где он был командиром – солдатским и драгунским. Число начальных людей и рядовых солдат и драгун в этих полках показано в табл. 1.

Численность драгунского и солдатского Александра Крафферта полков

Служилые люди	Драгунский полк		Солдатский полк	
	«немцы»	русские	«немцы»	русские
подполковник	1	-	-	-
майор	2	-	3	-
капитан	4	-	11	-
квартирмейстер	1	-	1	-
полковой обозник	1	-	-	-
полковой писарь	1	-	1	-
полковой лекарь	1	-	1	-
поручик	7	-	14	-
прапорщик	8	-	14	-
сержант	19	5	23	17
оружейный дозорщик	1	7	13	12
барабанщик	5	19	4	23
полковой поп	-	-	1	-
полковой профос	1	-	1	-
капрал	-	46	-	79
трубачи	-	8	-	-
рядовые драгуны и солдаты	-	1447	-	3896
Итого	5698 начальных «немецких» и русских людей и русских рядовых солдат и драгун			

Помимо этих солдат и драгун, обученные и вооруженные по европейскому образцу солдаты и драгуны были разосланы по другим узловым пунктам Засечной черты для усиления полков дворянской конницы и стрельцов. Их численный состав показан в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Численность солдат и драгун, разосланных в распоряжение воевод на Засечной черте¹²

Служилые люди	Город и воевода		
	Одоев, боярин И.А. Голицын	Крапивна, боярин И.Б. Шереметев	Венев, князь С.В. Прозоровский
полковник	-	-	1 (Валентин Росформ)
подполковник	-	-	-
майор	2/-	-	2/-
капитан	2/-	2/-	7/-
квартирмейстер	-	-	1/-
обозник	1/-	-	-/1
полковой писарь	-	-	-
полковой лекарь	-	-	1/-
поручик	4/-	2/-	8/-
прапорщик	4/-	2/-	8/-
сержант	10/4	2/4	10/14

оружейный дозорщик	-/4	-/2	-/8
барабанщик	-/4	-/2	-/8
полковой поп	-	-	1/-
полковой профос	-	-	1/-
капрал	-/28	-/14	-/8
трубачи	-/2	-/1	-/1
драгуны/ солдаты	483/489	243/246	303/1872
Итого	1037	520	2255

Таблица 3

Численность драгунской команды майора Ричарда Кормихеля и солдатского полка подполковника Якова Вымса, направленных в распоряжение переяславль-ризанского воеводы князя Д.М. Пожарского

Служилые люди	Драгунская команда		Солдатский полк
	«немцы»	русские	
подполковник	-	-	1
майор	1	-	1
капитан	3	-	4
квартирмейстер	1	-	1 (окопничий)
полковой обозник	1	-	1
лекарь	1	-	1
поручик	4	-	5
прапорщик	4	-	5
сержант	2	10	15
оружейный дозорщик	1	3	5
полковой набатчик	-	1	-
барабанщик	-	9	10
полковой профос	-	1	-
капрал	-	32	30
трубачи	-	4	-
рядовые драгуны и солдаты	-	926	1146
Итого	1004		1225
	2229 начальных «немецких» и русских людей и русских рядовых солдат и драгун		

При анализе данных всех таблиц обращает внимание на себя тот факт, что если штаб- и обер-офицерские должности в полках и командах замещены иностранцами, то унтер-офицерские должности – в значительной степени русскими. Кроме того, не менее интересным является и то обстоятельство, что солдаты набраны главным образом из даточных людей. Если ранее, в XVI в. пешая «посоха» использовалась преимущественно для разного рода вспомогательных работ, то теперь даточные из числа крестьян и других тяглецов были поставлены в строй в перволинейные полки.

Помимо этих солдат и драгун, 5 небольших команд солдат под началом капитанов, поручиков или сержантов были разосланы по засекам –

возможно, для обучения местных ратных людей новомодным приемам войны. Такая команда обычно имела в своем составе 1 капитана или поручика, 1 сержанта, от 1 до 5 капралов и от 50 до 200 солдат из числа даточных людей (всего в таких командах насчитывалось 2 капитана, 2 поручика, 5 сержантов, 2 оружейных дозорщика, 11 капралов, 450 солдат).¹³

Таким образом, в кампанию 1638 г., очевидно, в момент наивысшего напряжения сил, на Засечной черте находилось по меньшей мере 2 драгунских полка и 3 полка солдат, а также выделенные из их состава отдельные команды общей численностью 13791 человек – всего лишь на треть меньше, чем во время Смоленской войны. Правда, в этой кампании солдатские и драгунские полки выступали, скорее всего, в качестве административных, а не тактических единиц, поскольку единообразного устройства они не имели. Более или менее одинаковое устройство имели только драгунские и солдатские роты.¹⁴ Примечательно, что если высший и средний командный состав этих полков составляли «немцы», то младшие командиры в подавляющем большинстве были набраны из русских служилых людей, которые уже в достаточной степени усвоили «учение и хитрость ратного строения» как пехотного, так и драгунского.

Чем и как были вооружены солдаты и драгуны, набранные на службу в 1638 г., можно судить по подробной росписи сданного в цейхгаузы оружия и амуниции. Так, полк Александра Крафтера сдал 22 знамени, 48 барабанов целых и 31 поврежденный, 20 барабанных завесей, 31 протазан, 56 алебард, 3020 мушкетов, 1161 лядунку, 3006 банделеров, 4308 исправных и поломанных шпаг, 1674 драгунских седел, 1316 уздечек, 1330 драгунских крюков. Полк Валентина Росформа сдал 6 знамен, 39 протазанов, 30 алебард, 12 барабанов, драгунских и солдатских мушкетов 2442, 2071 шпагу, 2116 банделеров, 1816 пик и 1640 мушкетных подсошков.¹⁵ Из перечня же оружия следует, что соотношение пикинеров и мушкетеров в пехотном полку могло равняться 1 к 1.

Возможно, что предпринятые меры по сосредоточению на границе значительных сил заставили крымского хана умерить свой воинственный пыл. Большого набега татар ни летом, ни осенью не последовало, и потому, очевидно, в целях экономии средств, набранных солдат и драгун было решено распустить по домам. В октябре 1638 г. последовал соответствующий указ, согласно которому «...из городов: с Тулы, из Одоева, с Кропивны, с Венева, и с Переяславля-Рязанского драгунсково и салдатцково строю начальных немецких и русских и драгунов и салдат отпустить по домом, ноября с 1 числа нынешняго 147 году...». «Службу», которую солдаты и драгуны получили из царской казны, было велено сдать в построенные в Туле, Переяславле-Рязанском и Одоеве цейхгаузы. При этом было указано, что «...для береженья у того ружья велено в городех оставить драгунских и салдатцких оружейных дозорщиков...».¹⁶

Очевидно, что опыт с призывом на службу старых солдат, даточных людей, их обучением и вооружением по-европейски в Москве был признан вполне успешным, поскольку он был повторен и на будущий год. 6 марта

1639 г. царским указом боярину И.П. Шереметеву с дьяком В. Прокофьевым было велено «...для своей государевы службы нынешняго лета прибрать в драгунскую и салдатскую службу детей боярских, и иноземцев, и новокрещенов, и татар, которые не верстаны и не в службе, и за которыми прожиточных поместий и вотчин нет, и которые дети боярские наперед сего были в салдатской и драгунской службе, а з города в службе не написаны, и поместий и вотчин за ними нет же; также и стрелецких и казачьих и всяких чинов людей детей и братью и племянников, которые не в службе и не в тягле, и не в пашне, в и холопех ни у ково не служат, всяких охочих волных людей...».¹⁷

В этом указе было подробнейшим образом расписаны размеры жалования, вооружения ратных людей, пожелавших вернуться на службу или записаться на нее в первый раз, а также указаны места, где должны были собираться как ветераны, так и добровольцы. Для того, чтобы сделать службу более привлекательной, жалование ратным людям было повышено. Старым «смоленским» солдатам и драгунам, а также записанным в солдатскую и драгунскую службу детям боярским и иноземцам было обещано жалование «на платье» по 3 рубля и «поденнову корму» каждому по 8 денег, а прочим добровольцам, которые окажутся не из детей боярских или иноземцев – по 7 денег на день. Правительство полностью брало на себя вопрос о вооружении набираемых солдат и драгун, по поводу чего в указе было сказано: «А мушкеты и всякую ратную збрую драгуном и салдатом по государеву указу, велено дать из государевы казны: да драгуном же лошади и седла и узды дадут государевы...».¹⁸ Пунктами сбора ратников были назначены Москва (со временем прибытия к 7 марта 1639 г.), Тула, Рязань, Венев, Одоев и Крапивна (прибытие к 14 марта 1639 г.).¹⁹

Месяцем позднее положения этого документа были дополнены и расширены еще одним царским указом. В нем предписывалось боярину И.П. Шереметеву и дьякам В. Прокофьеву и М. Неверову «...детей боярских, которые были в государеве службе под Смоленском и в Можайску, и в прошлом в 146 году на Украине з бояры и воеводы в салдатской и драгунской службе, а поместья за ними пусты, и за которыми в поместьях их по одному бобышко, и с тех им своих поместей, за пустотою, на государеве службе з города быти не умети, писать ныне в салдатскую ж и в драгунскую службу...».²⁰

Предполагалось, что Шереметев с дьяками соберет только на Москве 4000 драгун и столько же солдат, причем служить они должны были достаточно долго. «А чтоб поболее прибрать из детей боярских и из иноземцев, – говорилось в указе по этому поводу, – для того: как им государево жалование, месечной корм и на платье дадут, и они и вперед в службе будут прочны, и государевым жалованием пополнятца, и драгунской и салдатской службе поизучатца, и вперед на службу будут готовы...».²¹

Одной лишь Москвой сбор ратных людей не ограничивался. Грамоты подобного содержания были разосланы и по другим городам. Например, 15 марта 1639 г. углицкому воеводе И.С. Собакину была направлена царская грамота о наборе ратных людей в драгунскую и солдатскую службу.

«...Указали есмь, для нашей службы нынешнего лета, – говорилось в ней, – прибрати в драгунскую и в солдатскую службу детей боярских, и иноземцов, и новокрещенов, и татар, которые не верстаны и не в службе, и за которыми прожиточных поместей и вотчин нет, и которые дети боярские наперед сего были в солдатской и в драгунской службе, а с города в службе не написаны и поместей и вотчин за ними нет же; такие и стрелецких и казачьих и всяких чинов людей детей, и братью, и племянников, которые не в службе, и не в тягле, и не на пашне, и в холопех ни у кого не служат, всяких охочих волных людей...». В грамотах четко определялось жалование набираемых солдат и драгун – старослужилым солдатам и драгунам по 3 рубля подъемных, («на платье»), и корму в день 8 денег. Новобранцам детям боярским и иноземцам также полагалось, как и год назад, по 8 кормовых копеек на день, «охочим» же людям – по 7 копеек на день. Обеспечение солдат и драгун оружием, амуницией, седлами и прочей конской сбруей также, и как в предыдущем году, государство целиком брало на себя.²² Для этого воеводам на места были разосланы указы о сборе чрезвычайного налога с посадских людей, дворцовых и черных волостей размером с полтины до 2 рублей со двора.²³

Основную массу набранных солдат и драгун в новые полки составили, как и прежде, даточные люди и малопоместные или же вовсе беспоместные дети боярские. Так, 27 июня 1639 г. в Тулу было послано для несения гарнизонной службы под началом полковника Александра Краферта 1295 кормовых солдат и драгун и вместе с ними 1330 даточных людей с вотчин и поместий.²⁴ Среди них старых смоленских солдат было немного – так, с 1 июня по 1 июля 1639 г. в Разрядном приказе у дьяка Ивана Замыцкого записались на службу и получили («на платье») и кормовые деньги всего лишь 269 солдат.²⁵ Этого, конечно, было явно недостаточно для того, чтобы полностью укомплектовать ветеранами набираемые полки. Но они вполне могли составить кадровое ядро полков и ускорить процесс их приведения в боевую готовность, тем более что большинство из них уже прошли первоначальное обучение в предыдущем году.²⁶

Сбор ратных людей, согласно росписи от 14 мая 1639 г. дал следующие результаты. Под началом князя Д.М. Черкасского в Туле было следующее число драгун и солдат: в команде ротмистра В. Далматцкого драгунской службы казаков, житецких черкас и «бывых» смоленских солдат 408 человек, с полковником Александром Крафертом 1 подполковник, 3 майора, 10 капитанов, 15 поручиков и 15 прапорщиков, 45 сержантов, 4 немецких дозорщика над ружьем (каптенармуса), 4 капрала, 13 барабанщиков, 1 пастор, по 1 квартирмейстеру и полковому пушечному уряднику, по 2 полковых писаря и профоса, русских урядников каптенармусов 11, капралов 116, барабанщиков 27, 1000 кормовых драгун, 980 кормовых солдат и 955 солдат из даточных людей. В Переяславле под началом князя П.А. Репнина был солдатский подполковника Якова Вымса полк в следующем составе: немецких начальных людей 1 майор, 10 капитанов, 10 поручиков, 13 прапорщиков, 19 сержантов, 2 капрала, 3 барабанщика, полковой квартирмейстер, 2 полковых обозника, 1 лекарь; русских начальных людей и урядников – 1 полковой обозник, 3 трубача, 11 сержантов, 10

дозорщиков над ружьем, 78 капралов, 24 барабанщика, 600 кормовых драгун, 885 кормовых и 411 даточных солдат. В Веневе полк полковника Валентина Росформа насчитывал в своем составе немецких начальных людей: 1 подполковника, 1 майора, 15 капитанов, 18 поручиков, 18 прапорщиков, 47 сержантов, 2 каптенармуса, 7 барабанщиков, 1 полкового квартирмейстера, 1 полкового пастора, 1 лекаря и 1 писаря; русских начальных людей – 3 полковых обозника, 5 трубачей, 10 каптенармусов, 89 капралов, 23 барабанщика, 1003 кормовых драгуна, 1370 кормовых и 85 даточных солдат. Отдельная команда в составе 8 немецких начальных людей (2 капитанов, 2 поручиков, 2 прапорщиков, 1 полкового обозника, 1 трубача), русских – урядников 24, 200 кормовых драгун, 121 кормового и 100 даточных солдат была направлена в Крапивну под начало воеводы М.М. Салтыкова. В Одоев же были посланы во главе с майором Лаврентием Крымзером 17 немецких начальных людей (2 капитана, 3 поручика, 3 прапорщика, 1 полковой обозник, 6 сержантов, 1 барабанщик, 1 трубач), 36 русских урядников, 200 кормовых драгун, 114 кормовых и 150 даточных солдат.²⁷

Примечательно, что, судя по всему, в Москве уже неплохо понимали превосходство обученных по новому войск над старыми. Во всяком случае, полковник Александр Краферт получил в 1639 г. указ из Разрядного приказа обучить московские стрелецкие приказы Алексея Полтева и Михаила Баскакова «салдатскому строю».²⁸ Интересен и другой факт – в расположенные в Туле солдатские полки были направлены 20 московских пушкарей.²⁹ Очевидно, что солдатский и драгунский полки Александра Краферта (а, возможно, и полки Якова Вымса и Валентина Росформа) имели собственную полковую артиллерию. Во всяком случае, вряд ли случайным было пребывание среди начальных людей полка Александра Краферта полкового пушечного урядника.

Вся эта масса ратных людей с наступлением зимы была снова, как и в предыдущие годы, распущена по домам – содержание их было слишком накладно для казны. Вместе с тем очевидно, что такая практика (созыв солдат и драгун из отпусков на летнюю службу с роспуском с началом зимы) была продолжена и в последующие годы. Во всяком случае, указ о сборе солдат и драгун снова был повторен в 1641 г., когда 20 апреля окольников С.М. Проестев и дьяки А. Хватов и И. Дмитриев получили указание набрать в солдатскую и драгунскую службу детей боярских, новокрещенов, иноземцев и всяких охочих вольных людей. Кроме того, как и прежде, было решено прибрать с дворцовых сел и деревень и церковных владений даточных в солдатскую службу (по прежнему опыту в Москве знали, что дети боярские крайне неохотно идут в непристойную пешую службу), а с т.н. «перехожих» дворов взять деньгами.³⁰

К середине 40-х гг. в связи с изменением обстановки на границе и сложным финансовым положением от временных сборов солдатских и драгунских полков на южной границе было решено отказаться.

Примечание

¹ В целом, анализируя особенности московской и польско-литовской пограничной службы на границе с татарами, Г.А. Санин отмечал значительно более высокую эффективность русской системы защиты рубежей. «Московская система была тяжеловесной, – пи-

сал он, – не приносила «блистательных» побед, но она лучше охраняла окраинное население и постепенно отодвигала линию обороны к юг...» (Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1987. С. 134).

² Вернадский Г.В. Московское царство. Тверь-Москва, 1997. Т. I. С. 338.

³ Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 437.

⁴ Степная кампания обычно длилась с апреля по ноябрь. См., например боярский приговор о станичной и сторожевой службе: Акты Московского государства (далее АМГ). Т. I. СПб., 1890. С. 3-4.

⁵ Записные книги Московского стола 7143 г. // Русская историческая библиотека (далее РИБ). Т. X. СПб., 1886. С. 71.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 14. Ч. 1. Столбцы Севского стола. № 108. Л. 4.

⁷ АМГ. Т. II. СПб., 1894. С. 54.

⁸ Там же. С. 54.

⁹ АМГ. Т. II. СПб., 1894. С. 54.

¹⁰ РИБ. Т. X. С. 113-114. А.В. Чернов приводит несколько иную цифру. По его данным, к осени 1638 г. удалось набрать 5055 драгун и 8658 солдат. После летне-осенних сборов 1 ноября 1638 г. они были распущены по домам (Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV-XVII вв. М., 1954. С. 138).

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 91. Л.л. 100-111.

¹² Составлена автором по: РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 91. Л.л. 104-110.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 91. Л. 111.

¹⁴ Судя по количеству командного состава, драгунский полк Александра Крафферта имел примерно 8 рот численностью каждая примерно 180 драгун. Под началом майора Кормихеля находилось по меньшей мере 4 роты по 230 драгун. Солдатский полк Александра Крафферта имел не меньше 14 рот с примерно 280 солдатами в каждой, тогда как Валентина Росформа – 8 рот по 230 солдат, а полк Якова Вымса – 5 рот с тем же количеством солдат. Получается, что в роте в среднем числились капитан, поручик, прапорщик, 1-2 барабанщика, 1-3 чержанга, 5-6 капралов, 1-2 оружейных дозорщика и примерно 200-230 солдат или драгун.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 39. Л.л. 113, 144.

¹⁶ РИБ. Т. X. С. 123.

¹⁷ РИБ. Т. X. С. 161.

¹⁸ РИБ. Т. X. С. 162.

¹⁹ Там же. С. 163.

²⁰ Там же. С. 176.

²¹ Там же. С. 180.

²² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. III. СПб., 1836. С. 430-431.

²³ РИБ. Т. X. С. 184.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 39. Л. 108.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятиен. № 186. Л.л. 1-134.

²⁶ «Только офицеры и сверхсрочные унтер-офицеры являются истинными носителями военных традиций, дисциплины и технических военных знаний...» – отмечал Н.П. Михневич (Михневич Н.П. Стратегия. Кн. 1. СПб., 1911. С. 74).

²⁷ РИБ. Т. X. С. 184-199.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 39. Л.л. 174-175.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Столбцы Владимирского стола. № 39. Л.л. 91-92.

³⁰ РИБ. Т. X. С. 272-274.